

хранительница тайн

кейт мортон

хранительница тайн

Москва
2015

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М79

Kate Morton
THE SECRET KEEPER

© Kate Morton 2012. First published in 2012 by Allen & Unwin

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *М. Клеветенко*
и *Е. Доброхотовой-Майковой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Мортон, Кейт.

М79 Хранительница тайн / Кейт Мортон ; [пер. с
англ. М. Клеветенко, Е. Доброхотовой-Майко-
вой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 576 с. — (Миро-
вой бестселлер).

ISBN 978-5-699-81046-8

Во время пикника на семейной ферме шестнадцатилет-
няя Лорен Николсон становится свидетельницей шокиру-
ющего преступления — ее мама Дороти убивает человека.
Спустя пятьдесят лет эта история по-прежнему беспокоит
героиню. Кем был тот человек и почему мама так поступи-
ла? Лорен понимает, что может упустить последний шанс
узнать правду, и принимается искать ответы в прошлом
Дороти. Она идет по следам незнакомцев, встретившихся
когда-то в истерзанном войной Лондоне, чтобы понять, как
их судьбы связаны с судьбой ее матери.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Клеветенко М., перевод на русский язык, 2015
© Доброхотова-Майкова Е., перевод на русский
язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-81046-8

Селъве, другу, агенту, помощнице

Часть первая ЛОРЕЛ

1

Тлухой уголок сельской Англии, летний день, начало шестидесятых. Беленый фермерский дом без претензий, штукатурка кое-где облупилась, по стене ползет клематис. Из трубы вьется дымок, наводя на мысль о вкусном обеде, томящемся на плите. Ту же мысль о довольстве и благополучии рождают ровные грядки позади дома, гордый блеск цветных стеклышек в окнах и аккуратные заплаты на черепичной крыше.

Кирпичная изгородь отделяет сад от полей и рощи. Между спутанных корней испокон веков струится ручеек, то сверкая на солнце, то снова ныряя в лесной полумрак, но отсюда его голос не слышен. Слишком далеко. Дом стоит в конце длинной пыльной аллеи, невидимый с дороги.

Вокруг тишь да гладь, лишь невесть откуда взявшийся ветерок шевелит листву. Обручи, повальное увлечение прошлого сезона, прислонены к стене в ажурной тени глициний. Одно-

глазый плюшевый медвежонок с гордым видом несет вахту в зеленой тележке для белья, откуда ему виден весь двор. Садовая тачка, нагруженная горшками, терпеливо ждет под навесом.

Несмотря на тишину, а возможно, благодаря ей, в воздухе разлито томительное ожидание, словно в театре перед началом спектакля. Все еще впереди, все еще может случиться...

— Лорел! — слышится недовольный детский голос. — Ло-о-о-рел, ну где же ты?

Чары разрушены. В зрительном зале медленно гаснет свет, занавес поднимается.

Откуда ни возьмись, выбегают куры и начинают клевать траву между плитками садовой дорожки, тень сойки мелькает в саду, с поля доносятся тарахтение трактора. И высоко надо всем, растянувшись на полу домика в кроне дерева, шестнадцатилетняя девочка языком подталкивает к небу лимонный леденец и вздыхает.

Бессовестно заставляя их искать так долго, но из-за жары и волнующей тайны Лорел лень было играть, тем более в такую малыштовую игру, как прятки. Согласилась, так пусть теперь как следует попотеют. Как говорит папа, все должно быть по-честному, без труда не вынешь и рыбку из пруда. Лорел не виновата, что прячется лучше всех. Правда, она старшая, но ведь и сестры давно не маленькие.

Кроме того, именно сегодня Лорел не хотелось, чтобы ее нашли. Лежать бы так вечно, и

чтобы тонкая ткань платья трепетала от ветра, задевая голые колени, лежать и думать о нем.

Билли.

Лорел закрыла глаза, и его имя розовым неоновым курсивом вспыхнуло на сетчатке. Кожа пошла мурашками. Леденец сладко перекатылся на языке.

Билли Бакстер.

Его взгляд поверх черных очков, ироническая усмешка, набриолиненный кок...

Лорел знала: это на всю жизнь. Пять суббот назад они с Ширли сошли с автобуса и впервые увидели Билли, который вместе с приятелями курил на ступенях танцверанды. Их взгляды встретились, и Лорел страшно обрадовалась, что истратила воскресный заработок на новые нейлоновые чулки.

— Ну, Лорел, так нечестно, — донесся голос запыхавшейся Айрис.

Лорел еще крепче зажмурилась.

Они с Билли не пропускали ни одного танца. Музыканты играли все быстрее, «французская ракушка», которую Лорел так тщательно уложила, сверяясь с обложкой журнала для девочек, растрепалась, ноги гудели, но она танцевала, пока не подошла раздосадованная Ширли, которой не досталось кавалера, и не проворчала, что, если они опоздают на последний автобус, их сюда больше не отпустят. Ширли сердито пристукнула каблучком. Лорел одарила Билли сияющим взглядом, а он взял ее за руку, притянул к себе, и она с необыкновенной, слепящей ясностью

осознала, что переживает самое прекрасное, самое восхитительное мгновение в жизни.

— Ну и пожалуйста, — выпалила Айрис. — Не обижайся потом, что тебе не досталось день-рожденного торта!

Солнце било в окошко домика, наполняя закрытые глаза жарким сиянием цвета вишневой колы. Лорел села, однако с места не двинулась. Она обожала мамин бисквитный торт с малиной и взбитыми сливками, но угроза ее не испугала. Нож для торта забыли на кухне, когда в попытках собирали корзинку для пикника, пледы, газировку, купальные полотенца и новый транзистор. Лорел это знала, потому что, когда сестры только начали играть в прятки, заскочила в пустой сумрачный дом, схватила бандероль и заметила рядом с фруктовой вазой нож, перевязанный алой ленточкой.

Только этим ножом разрезали торты, испеченные по случаю Рождества, дней рождения или просто так, для настроения — мама свято чтит семейные традиции. А стало быть, пока кого-нибудь не пришлют за ножом, Лорел может сидеть тут, на дереве. В доме, где вечно все вверх дном и без конца хлопают двери, приучаешься ценить редкие минуты свободы.

Сегодня Лорел особенно тянуло побыть одной.

Бандероль прибыла в четверг. По счастью, почтальона встретила Роуз — не Айрис, Дафна или, боже упаси, мама. Лорел сразу догадалась, от кого посылка. Щеки вспыхнули, она, запинаясь,

ясь, пробормотала что-то про пластинку, которую одолжила Ширли. Могла бы и не темнить: Роуз уже ее не слушала, а глядела на бабочку, севшую на садовую ограду.

Вечером того же дня, когда все семейство смотрело по телевизору «Музыкальный автомат», Айрис и Дафна спорили, кто лучше — Клифф Ричард или Адам Фэйт, а папа возмущался, что Фэйт изображает американский акцент и вообще у англичан не осталось собственной гордости. Лорел выскользнула в ванную, закрылась на задвижку и, прислонившись спиной к двери, сползла на пол.

Дрожащими пальцами она надорвала бандероль.

На колени выскользнула маленькая книжница. Лорел успела прочесть название через обертку из папиросной бумаги: «День рождения», Гарольд Пинтер¹.

С тех пор книжка каждую ночь лежала у Лорел в наволочке — спать было жестковато, но расстаться со своим сокровищем она просто не могла.

Лорел верила, что у каждого человека случаются переломные моменты, когда плавное тече-

¹ Гарольд Пинтер (1930–2008) — английский драматург, поэт, режиссер, актер, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года. Пьеса «День рождения», содержащая многие элементы театра абсурда, была написана в 1957 году и в первой постановке с треском провалилась, но позже была признана одним из величайших шедевров английской классики.

ние жизни круто меняется. Пьеса Пинтера стала таким событием. Она прочла о спектакле в газете и решила во что бы то ни стало его увидеть. Родителям Лорел сказала, что отправляется к Ширли. Подруге же велела не выдавать ее, а сама села на автобус, идущий в Кембридж.

Это была ее первая самостоятельная поездка, и, наблюдая из темного зала, как день рождения Стэнли превращается в кошмар, Лорел пережила сильнейшее потрясение в жизни. На нее снизошел экстаз, вроде того, какой сестры Бакстон переживали каждую воскресную службу, хотя Лорел подозревала, что виной тому не слово Божие, а недавно назначенный молодой пастор. Сидя на дешевом месте, с горящим лицом, чувствуя, как энергия происходящего на сцене вливается прямо в кровь, Лорел понимала, что назад пути нет.

Она долго не решалась доверить кому-нибудь свой секрет, пока однажды вечером, прижимаясь щекой к кожаной куртке Билли (его рука лежала у нее на плече), не рассказала ему все...

Лорел вытащила из книги записку. Билли будет ждать ее на мотоцикле у въезда в аллею в половине третьего. Он хочет показать ей свое любимое место на побережье.

Лорел посмотрела на часы. Без нескольких минут два.

Выслушав Лорел, Билли пустился в рассказ о Лондоне, о театрах и музыкальных группах, играющих в безымянных ночных клубах, и перед ней закружился калейдоскоп невероятных

возможностей. А потом он поцеловал Лорел. Это был ее первый настоящий поцелуй — словно внутри взорвалась электрическая лампочка, залив все вокруг ослепительным светом.

Она потянулась за зеркальцем, которое стояла у Дафны, и принялась изучать черные стрелки в уголках глаз. Убедившись, что они симметричны, Лорел пригладила челку, пытаясь вспомнить, что еще упустила. Полотенце! Лорел заранее надела купальник под платье. Родителям она сказала, что миссис Ходжкинс попросила ее прибраться в парикмахерской.

Лорел убрала зеркальце и прикусила ноготь. Ей не нравилось обманывать родителей. Лорел всегда была послушной девочкой, спросите хоть маминых подруг, учителей или миссис Ходжкинс, но что ей оставалось? Как рассказать отцу и маме про Билли?

Родители наверняка не поймут, ведь они никогда не любили. Разве можно назвать любовью то осторожное чувство, которое испытывают друг к другу взрослые и которое выражается в похлопывании по плечу и вопросах: «Не заварить ли тебе чаю?» Лорел вздохнула. Куда проще думать, что никто и никогда не ощущал такого жара, такого сердцебиения, такого физического — и тут Лорел вспыхнула — влечения.

Порыв ветра принес отголосок маминого смеха. Дорогая мамочка, с нежностью подумала Лорел, она же не виновата, что ее молодость пришлась на войну и что она встретила папу только в двадцать пять. Что до сих пор масте-

рит детям бумажные кораблики. Что ее высшим достижением в жизни стала победа в конкурсе огородников и фотография в газете. (Правда, не в местной, а в столичной, в большом репортаже, посвященном новостям из провинции.) Отец Ширли, адвокат, собственноручно вырезал заметку. Мама притворилась смущенной и, кажется, не слишком обрадовалась, когда папа прилепил вырезку к дверце нового холодильника, однако снимать ее не стала. Она всерьез гордилась своей невероятно длинной огненно-красной фасолью. В том-то все и дело. Лорел выплюнула длинный заусенец. Женщину, которая гордится фасолью, проще обмануть, чем заставить признать, что мир изменился.

Лорел не привыкла обманывать. Николсоны отличались подозрительной преданностью друг другу. Впрочем, так было раньше. А потом все изменилось. И хотя поведение Лорел осталось прежним, она ощущала, что постепенно отдаляется от родных. Ветерок разметал волосы по лицу, и Лорел вздохнула. Во время ужина папа привычно шутил — как всегда, не смешно, но мама и сестры все равно хохотали, — и Лорел казалось, что она наблюдает за ними со стороны. Как если бы они все ехали в поезде, а она стояла на перроне и смотрела им вслед.

На самом деле уехать собиралась Лорел, и совсем скоро. Поступать в Центральную школу сценической речи и драмы. Что скажут родители, когда она объявит, что хочет жить отдельно? Их обоих совершенно не интересовала суетная

жизнь большого города — мама не была в Лондоне с тех пор, как Лорел появилась на свет. Известие, что старшая дочь задумала променять домашний уют на неверный и загадочный мир кулис, наверняка повергнет их в ступор.

Внизу на веревке сушилось мокрое белье. Штанины джинсов, столь презируемых бабушкой Николсон («Ты выглядишь дешево, Лорел, а для девушки нет ничего хуже, чем казаться доступной»), хлопали друг о друга, пугая курицу с одним крылом, которая кудахтала и носилась кругами по двору. Лорел надвинула на нос черные очки в белой оправе и привалилась спиной к стене домика.

А виновата война. После ее окончания прошло целых шестнадцать лет — вся жизнь Лорел, — и мир не стоял на месте. Противогазы, военная форма и продовольственные карточки крепко заперты в старом папином чемодане цвета хаки на чердаке. Печально, что некоторые люди — целое поколение, те, кому перевалило за двадцать пять, — все еще цепляются за прошлое.

Билли говорил, что не намерен их разубеждать. Он называл это «пропастью между поколениями», уверял, что с предками объясняться бессмысленно. Как сказано в книге Алана Силлитоу¹, которую он таскал в кармане, старики

¹ Алан Силлитоу (1928–2010) — английский поэт и прозаик. Его первый роман «В субботу вечером, в воскресенье утром» (1958) рассказывает о проблемах рабочей молодежи и пронизан духом послевоенного разочарования.